

С тех пор как Император Дэлинь взошел на престол, в этом году впервые на весеннем экзамене тема для эссе была взята из канонических и исторических трудов.

Рыба — то, чего я желаю — изначально была прекрасным произведением, в котором глубоко обсуждались вопросы жизни, смерти и природы человеческой доброты. Однако, поскольку эта тема была предложена самим Императором Дэлинем, для многих экзаменуемых в ней была заложена чудовищная ловушка.

Мо Ся постучал указательным пальцем по деревянному столу и, подняв голову, украдкой взглянул на Хэ Суна.

Нелюбимый сын наложницы из знатного рода. Казалось бы, раньше у него не было даже шанса сопровождать семью во дворец на пир и лицезреть императорский лик, но он сумел точно угадать помыслы Императора Дэлиня и в нужный момент, уловив волю государя, нанести точный удар.

Говорили, что Император Дэлинь, прочитав его сочинение, пришел в великий восторг и, вопреки всем возражениям, провозгласил его лучшим среди кандидатов. Такая проницательность — неудивительно, что в будущем он займет высокий пост и прославится на весь мир.

Лу Чэньчжан до семи лет никогда не учился. После того как Мо Ся стал его компаньоном по учебе, он приложил все силы, чтобы разъяснить ему основы. Но каким бы умным ни был Лу Чэньчжан, за три года он все же не мог догнать тех принцев, чье обучение началось с самого раннего детства. Поэтому, увидев тему сочинения, Лу Чэньчжан тут же нахмурился.

Мо Ся ободряюще взглянул на него, сжал его маленькую ладошку и прошептал:

— Ваше Высочество, я совсем недавно объяснял вам смысл этого текста. Вы такой умный, конечно же, все поняли. Не бойтесь, просто напишите то, что у вас на душе.

Лу Чэньчжан был от природы одарен. Если бы у него было больше времени на учебу, со временем он непременно превзошел бы Первого принца, которого так хвалили Наставник Цуй и другие учителя. Сейчас он немного робел, но слова Мо Ся воодушевили его. Сжимая маленькую кисть, специально изготовленную для него Мо Ся, он немного подумал и принялся за письмо.

Лу Чэньци разложил белоснежную бумагу высшего сорта, левой рукой машинально перебирая длинные кисточки на нефритовой подвеске у пояса. Он опустил взгляд на пять крупных иероглифов Рыба — то, чего я желаю, и долго не решался начать. Лишь спустя значительное время он глубоко вздохнул и коснулся кистью туши:

— ...То, чего желает государство — это Небо, то, чего желает Небо — это народ, то, чего желает народ — это жизнь...

Спустя час, когда почти все закончили, Хэ Сун приказал слуге собрать работы и принялся внимательно их изучать.

Мо Ся откупорил пробку и протянул Лу Чэньчжану прохладный арбузный напиток:

— Ваше Высочество, выпейте немного.

Говоря это, он краем глаза поглядывал на Мо Юньчао. Тот стоял рядом с Мо Юньяном, указывая в сторону Мо Ся. Его брови изогнулись домиком, а челюсти были крепко сжаты.

Мо Ся покачал головой:

— Дурак.

Лу Чэньчжан, держа в руках напиток, отпивал маленькими глотками. Посмотрев на покрасневшее лицо Мо Юньчао, он тихо спросил:

— А-Ся, почему мне кажется, что этот твой брат не слишком умен?

Мо Ся не сдержал улыбки:

— Ваше Высочество, будьте увереннее, отбросьте слово кажется.

Мо Ся вспомнил вчерашнее столкновение в зале Жунъань и все больше поражался причудам судьбы. Как Мо Сычжэнь и Мо Юньчао могли оказаться двойняшками?

— Из троих детей, рожденных моей мачехой, Мо Юньян одарен талантами, Мо Сычжэнь необычайно рассудительна, и лишь Мо Юньчао — если говорить мягко, наивен, а если грубо — глуп, как пробка.

Лу Чэньчжан три года учился в Павильоне Минцзянь вместе с Мо Юньяном и знал, что тот действительно силен в науках. Мо Ся старался не выделяться, поэтому среди компаньонов принцев Мо Юньяну почти не было равных. Наставник Цуй тоже хвалил его, предрекая блестящее будущее.

Лу Чэньчжан любопытствовал:

— А-Ся, кажется, я никогда не слышал, чтобы ты упоминал свою старшую сестру, барышню Мо.

В свободное время Мо Ся сочинял забавные истории о том, что происходило в поместье

маркиза Минсян, чтобы убаюкать Лу Чэньчжана. Тот знал всех обитателей дома, кроме Мо Сычжэнь.

Мо Сычжэнь... В сознании Мо Ся возник образ девушки, которая, несмотря на юный возраст, уже начала проявлять свой острый нрав. Он тряхнул головой, прогоняя этот образ:

— Эта моя сестра... Если бы она родилась мужчиной, Мо Юньян в поместье маркиза Минсян не имел бы такого веса.

— О? — Лу Чэньчжан заинтересовался еще больше.

Мо Ся редко хвалил других, даже его самого достаивал нежными похвалами лишь за особо удачные успехи в учебе. Такая высокая оценка из уст Мо Ся звучала впервые. Не желая продолжать разговор о Мо Сычжэнь, Мо Ся потрепал Лу Чэньчжана по голове и улыбнулся:

— Ваше Высочество, когда-нибудь я расскажу вам о нашем с ней соперничестве. А сейчас лучше вспомните, что вы написали в своем сочинении — когда вернемся во дворец, я обязательно устрою вам проверку.

Лу Чэньчжан всегда слушался Мо Ся. Услышав это, он отставил бамбуковую чашку и послушно взял кисть.

Хэ Сун бегло просматривал работы компаньонов. Дойдя до свитка Мо Ся, он на мгновение ощутил проблеск одобрения, но тут же притворно нахмурился и отложил его в сторону, словно увидел нечто отвратительное.

Слуга, заметив, что песок в часах иссяк, ударил медным молоточком по колоколу.

Дон — дон.

Все компаньоны вернулись на свои места. Мо Ся убрал напиток, который Лу Чэньчжан так и не допил, не обращая внимания на его жалобный взгляд:

— Ваше Высочество, урок начался.

Видя несчастное лицо принца, Мо Ся не выдержал:

— Ваше Высочество, будьте пайнкой. Когда вернемся во Дворец Кайян, я приготовлю вам еще, хорошо?

Когда в зале воцарилась тишина, Хэ Сун взял лист бумаги и встряхнул его:

— Мо Ся.

Мо Ся, словно ожидая этого, не спеша встал:

— Учитель, я здесь.

Хэ Сун развернул его работу:

— Я просил вас написать эссе на тему Рыба — то, чего я желаю, почему же вы просто переписали этот текст?

Мо Ся невозмутимо ответил:

— Прошу прощения, учитель, я глуп и мои познания поверхностны. На сегодняшний день я смог лишь выучить его наизусть, но не постиг глубокого смысла. Раз я не смог написать эссе, прошу наказать меня.

По Павильону Минцзянь пронесся приглушенный смех.

— Ха-ха-ха! — Мо Юньчао громче всех смеялся, задыхаясь и указывая на Мо Ся. — Мо Ся, ты ведь тоже сын нашего поместья маркиза Минсян, а даже такого простого текста не усвоил. Только позоришь наш дом!

Мо Ся спокойно смотрел на Хэ Суна, краем глаза наблюдая за Мо Юньчао. Тот сидел через несколько столов, и его пронзительный взгляд, казалось, был готов превратиться в веревку, чтобы зашить рот брату. Но Мо Юньчао ничего не замечал. Ухватившись за редкую возможность высмеять Мо Ся, как он мог не отомстить?

Лу Чэньци, сидевший в первом ряду, внимательно разглядывал аккуратный почерк Мо Ся. Его глаза блеснули, и он неторопливо произнес:

— Четвертый молодой мастер Мо, вы с братом из одного дома, ваша слава и позор общие. Так злорадствовать — не значит ли это дать другим повод для насмешек?

Смех Мо Юньчао оборвался.

Хэ Сун, словно не слыша дерзости учеников, холодно взглянул на Мо Ся:

— Мо Ся, раз так, впредь будь усерднее. В этот раз я не стану тебя наказывать, но вернись и

внимательно изучи Четверокнижие и Пятикнижие. Подобного невежества больше не допускай.

Мо Ся слегка поклонился:

— Благодарю, учитель.

Лу Чэньчжан не любил, когда над Мо Ся смеялись. Когда тот сел, он взял его за руку:

— А-Ся...

Мо Ся кивнул на Мо Юньчао и прошептал:

— Ваше Высочество, не кажется ли вам, что он сейчас похож на утку, которой перехватили горло?

Лу Чэньчжан прыснул со смеху, забыв о неприятном осадке:

— Похож... очень похож...

Хэ Сун отложил работу Мо Ся и принялся критиковать остальные. Ученикам в Павильоне Минцзянь было не больше тринадцати лет. Даже если их рано начали обучать, а семьи нанимали великих ученых, их жизненный опыт был невелик. Даже читая классику, они понимали ее поверхностно. А некоторые и вовсе, помучившись, написали пару фраз и кое-как сдали свитки. На такие работы Хэ Сун даже не смотрел, сразу откладывая их в сторону.

Лу Чэньчжан тихо спросил:

— А-Ся, как думаешь, кто сегодня выйдет в лидеры?

Мо Ся ответил без колебаний:

— Первый принц.

Во дворце всем заправляла Благородная супруга Цюн, а в Павильоне Минцзянь верховодил Наставник Цуй. Никто не хотел быть той самой птицей, которая высовывается первой, и ради минутной славы наживать врага в лице будущего наследника.

Лу Чэньци всегда писал ровно и гладко. Ничего выдающегося, но и придраться не к чему.

Первый принц, прочитав работу Лу Чэньци, остался доволен содержанием, но с легким

презрением отозвался о стиле:

— Четвертый брат, я слышал от наложницы Жун, что ты любишь читать. Почему же, раз ты читаешь, твои знания ни на йоту не продвинулись?

Лу Чэньци с досадой указал на свое сочинение:

— Старший брат, разве ты не знаешь, что я не люблю книги? Это все матушка любит хвастаться перед тетушкой, вот и создала мне ложную репутацию. Как вижу эти эссе и исторические хроники, голова начинает болеть. То ли дело музыкальные партитуры и стихи — вот где истинное наслаждение.

Первый принц с досадой посмотрел на него:

— Четвертый брат, раньше ты был мал и неразумен, поэтому я закрывал глаза на твои пустые увлечения. Но ты растешь, пора заняться делом. Матушка будет рада, и наложница Жун тоже.

Лу Чэньци поджал губы, нахмурившись:

— Старший брат, пощади меня. Нет у меня к этому склонности. Если матушка спросит, прикрой меня, только не подстрекай ее отобрать у меня партитуры. Если это случится, жизнь для меня потеряет всякий смысл.

Первый принц постучал его по голове:

— Что ты мелешь? Смотри, дойдет до наложницы Жун — шкуру спустит.

Лу Чэньчжан, глядя на то, как Первый принц и Лу Чэньци общаются, дернул Мо Ся за рукав:

— А-Ся, не кажется ли тебе, что между ними все как-то странно?

— Ну... просто... — Лу Чэньчжан долго подбирал слова. — Почему мне кажется, что Лу Чэньгуан хочет, чтобы Лу Чэньци продолжал заниматься музыкой, а не изучать серьезные трактаты?

Мо Ся улыбнулся:

— Ваше Высочество, вы должны знать, насколько тонки родственные узы в императорской семье. Как бы Благородная супруга Цюн ни любила Четвертого принца, она не захочет, чтобы он стоял на пути у ее сына.

Взглянув на дружелюбно беседующих братьев, Мо Ся добавил:

— Тем более, если это принцы из одного рода и с одинаковой поддержкой.

Мо Ся никогда не участвовал в послеобеденных занятиях верховой ездой и стрельбой из лука. Поскольку ни его, ни Лу Чэньчжана не жаловали, учителю было все равно, присутствует кто-то или нет. Но Лу Чэньчжану это нравилось, поэтому, как бы скучно ни было, Мо Ся тащился на площадку вслед за ним.

Лу Чэньчжан видел, что Мо Ся чем-то обеспокоен, и старался быть паинькой:

— А-Ся, на сегодняшние занятия я схожу один, а ты лучше поищи господина Хэ.

В сердце Мо Ся нет никого важнее принца. Он не мог оставить его одного на тренировочной площадке. Кто знает, какие змеи могут его там обидеть?

— Ваше Высочество, я пойду с вами. Обеденный перерыв длинный, мне хватило времени обсудить с господином Хэ сегодняшнюю тему. Не нужно занимать этим время после обеда.

Лу Чэньчжан сжал бамбуковые палочки:

— Не помешаю ли я господину Хэ?

Мо Ся положил кусочек мяса в чашку Лу Чэньчжана:

— Нет, у господина Хэ нет привычки отдыхать в полдень.

Лу Чэньчжан крепче сжал палочки:

— Вот как... А-Ся, ты так хорошо знаешь господина Хэ.

Лу Чэньци, сидя в своих покоях, принялся:

— Такой сильный аромат, интересно, что компаньон Пятого принца снова приготовил ему вкусного?

Слуга, накрывая на стол, улыбнулся:

— Что и говорить, у компаньона Пятого принца талант к готовке просто невероятный. Даже на императорской кухне такой аромат не встретишь.

Лу Чэньци взглянул на свою пресную еду и внезапно потерял аппетит:

— Только мои покои находятся так близко к Пятому брату, что каждый день приходится терпеть эти муки. Подумать только, иметь такого компаньона — какое счастье.

Слуга Сяо Хэ сказал:

— Разве Пятый принц может сравниться с вами? Государь любит нашу госпожу, и во Дворцах Фусюэ и Фэншу никто не смеет проявлять неуважение. Ваши четверо компаньонов — все как один из знатных семей, отобранные Благородной супругой Цюн. А Дворец Кайян носит клеймо дурного предзнаменования. Даже если Государь вспоминает об Императрице Дуаньмин и прощает Пятому принцу его вину, он все равно лишен милости. И компаньона ему выбрали такого, что, кроме бесполезных упражнений, ничего не умеет. Вы занимаете самое высокое положение, зачем вам сравнивать себя с Пятым принцем?

Лу Чэньци дождался, пока слуга закончит, неторопливо взял палочками ростки бамбука и тщательно прожевал:

— Закончил?

Слуга осознал, что сболтнул лишнее, и в ужасе рухнул на колени:

— Ваше Высочество, простите, я болтлив, смилуйтесь.

Он начал биться лбом об пол, пока на лбу не выступили синяки. Лу Чэньци смотрел на него, не проронив ни слова. Лишь когда закончил трапезу, бросил:

— Господин остается господином. Что бы другие ни думали о Дворце Кайян, для меня Пятый брат остается Пятым братом, а не какой-то звездой бедствий.

Тук-тук-тук.

Хэ Сун отложил книгу:

— Входи.

Мо Ся вошел. Хэ Сун посмотрел на него и положил эссе Мо Ся на стол:

— Я знал, что ты придешь.

Мо Ся поклонился:

— Приветствую господина Хэ.

Хэ Сун, глядя на его безупречную стойку, едва заметно улыбнулся:

— В Павильоне Минцзянь ты зовешь меня учителем, а здесь — господином Хэ. Что это значит?

Мо Ся ответил:

— В Павильоне вы — учитель. А вне его — составитель Академии Ханьлинь. Этикет нельзя нарушать.

Хэ Сун покачал головой:

— Такой молодой, а такой старый душой, скучно. Я ведь ненамного старше тебя, да и ты считаешься моим учеником. Господин — это слишком официально, когда никого нет, зови меня учителем.

Мо Ся дернул уголок рта, подумав про себя: Вы старше меня на добрый десяток лет, и это ненамного? Но вслух сказал:

— Хорошо, учитель.

Хэ Сун, видя его лицо, понял, о чем он думает, но настоял на своем:

— Мо Ся, сегодня ты отлично справился.

Мо Ся сел на колени напротив него:

— Учитель, я глуп. В чем истинный смысл этой темы, заданной Государем?

Хэ Сун подвинул его работу ближе:

— Мо Ся, ты умен, зачем спрашивать меня? Разве ты не понимаешь помыслов Государя? Если бы не понимал, зачем было отказываться писать?

Мо Ся положил пальцы на бумагу:

— Я просто хотел получить подтверждение.

Хэ Сун не ответил, а спросил:

— Это ради Пятого принца?

Мо Ся долго молчал, а затем спросил:

— Учитель, когда этот указ будет объявлен народу?

Император Дэлинь дал тему Рыба — то, чего я желаю, вовсе не для того, чтобы кто-то жертвовал жизнью ради справедливости, а чтобы показать, что он желает получить и рыбу, и медвежью лапу. Императрица Дуаньмин скончалась много лет назад, и Великой Лян нужна новая императрица. В сердце Дэлиня Императрица Дуаньмин была вкусной рыбой, а Благородная супруга Цюн — той самой редкой медвежьей лапой.

Жаль, что большинство экзаменуемых не угадали помыслов Императора. Точнее, никто не ожидал, что он вынесет свои сокровенные мысли на такой серьезный экзамен.

Мо Ся сегодня не ответил. Не только чтобы скрыть свои таланты и лавировать между фракциями принцев, но и как человек из Дворца Кайян — в знак безмолвного протеста против холодности и бессердечия Императора.

Видя, что Мо Ся настаивает, Хэ Сун вздохнул:

— Возведение Благородной супруги Цюн в статус императрицы — неизбежность. У Императрицы Дуаньмин огромный авторитет в народе, Государю просто нужен законный повод. Все готово, самое позднее через три месяца указ будет объявлен. — Хэ Сун помолчал и добавил: — Обратного пути нет.

Мо Ся предвидел это, но при мысли о Лу Чэньчжане сердце сжалось от боли. Как же он будет страдать, когда узнает.

— Учитель, тема, которую вы дали сегодня на уроке — это тоже воля Государя?

Хэ Сун ответил:

— От тебя действительно ничего не скроешь.

Мо Ся глубоко вздохнул. Казалось, что-то застряло в горле:

— Учитель, можно мне взглянуть на ваше эссе с весеннего экзамена?

Хэ Сун, словно ожидая этого, достал верхний лист из аккуратной стопки:

— Читай.

Слова были изысканны, слог великолепен. От тезиса о том, что государство не может жить без государя, он перешел к тому, что государь не может жить без императрицы. От того, что государь — вера народа, к тому, что императрица — образец для всех женщин. Слова были искренними и убедительными. Если бы Мо Ся не знал заранее, он бы никогда не догадался, что это была лесть Императору Дэлиню.

Хэ Сун, глядя на искаженное лицо Мо Ся, который не знал, плакать ему или смеяться, поддел его:

— Что, думаешь, я слишком льстил, чтобы заслужить звание лучшего на экзамене?

Мо Ся отложил работу и покачал головой:

— Учитель, я не смею так думать.

— О? — Хэ Сун удивленно поднял бровь. — Ты меня удивляешь. Ты ведь знаешь, что когда это эссе увидят, мои сокурсники и все ученые мужи будут тыкать в меня пальцем, обвиняя в бесхребетности и недостойности звания чиновника.

Мо Ся поднял взгляд:

— Учитель, вы боитесь этих слов?

Хэ Сун гордо ответил:

— Если бы боялся, разве допустил бы, чтобы это вышло из-под моего пера?

Мо Ся улыбнулся:

— У учителя есть стремление принести пользу стране. Если не войти во власть, имея лишь

гордость и чистоту, скрываясь в горах — разве это не отказ от помощи народу? Лучше идти против течения и служить. А со временем очистить администрацию, поднять сельское хозяйство и прославиться на века — разве это не достойная история? А что касается процесса... — Мо Ся словно что-то вспомнил, улыбнулся и тут же стал серьезным: — Если результат хороший, кто будет обращать внимание на детали?

Глаза Хэ Суна загорелись. Он был поражен и восхищен:

— Мо Ся, ты действительно заставил меня взглянуть на тебя по-новому. В столь юном возрасте ты так ясно видишь суть вещей. Жаль, что некоторые люди живут всю жизнь, не понимая таких простых истин, запирая себя в клетку.

Хэ Сун посмотрел на него:

— Мо Ся, если бы я не знал твоего возраста, я бы решил, что тебе уже за тридцать.

Мо Ся промолчал, переводя тему:

— Учитель, благодарю за разъяснения.

Он поднялся, собираясь уйти. Хэ Сун вдруг сказал:

— Мо Ся, у тебя большой талант, но из-за семьи ты стал компаньоном Пятого принца. Ты ведь знаешь, в каком он положении. Неужели ты никогда не думал перейти к другому господину? Ты — необработанный нефрит, и я уверен, никто не отказался бы от шанса отшлифовать тебя.

Мо Ся всегда был невозмутим, но сейчас его лицо изменилось.

— Учитель, — Мо Ся сжал кулаки и пододвинул работу Хэ Суна обратно, — я попал во дворец, потому что поместье маркиза Минсян вынудило меня, у меня не было выбора. Но остаться рядом с Пятым принцем — это мое добровольное решение. Я знаю, что вы хотите мне добра, но я никогда не оставлю Его Высочество.

Хэ Сун пытался убедить его:

— Мо Ся, я искренне советую тебе. Ты должен знать, что рядом с Пятым принцем нет будущего. Сейчас вы еле сводите концы с концами, поэтому тебе все равно. Но когда наступит день смертельной борьбы, шансы принца равны нулю. Даже тогда ты выберешь его?

Мо Ся опустил глаза:

— Учитель, в жизни человек должен иметь веру и принципы, иначе зачем вообще приходить в этот мир? К тому же... — он улыбнулся, глядя на Хэ Суна, — кто знает, что принесет будущее?

<http://bllate.org/book/18648/1797212>